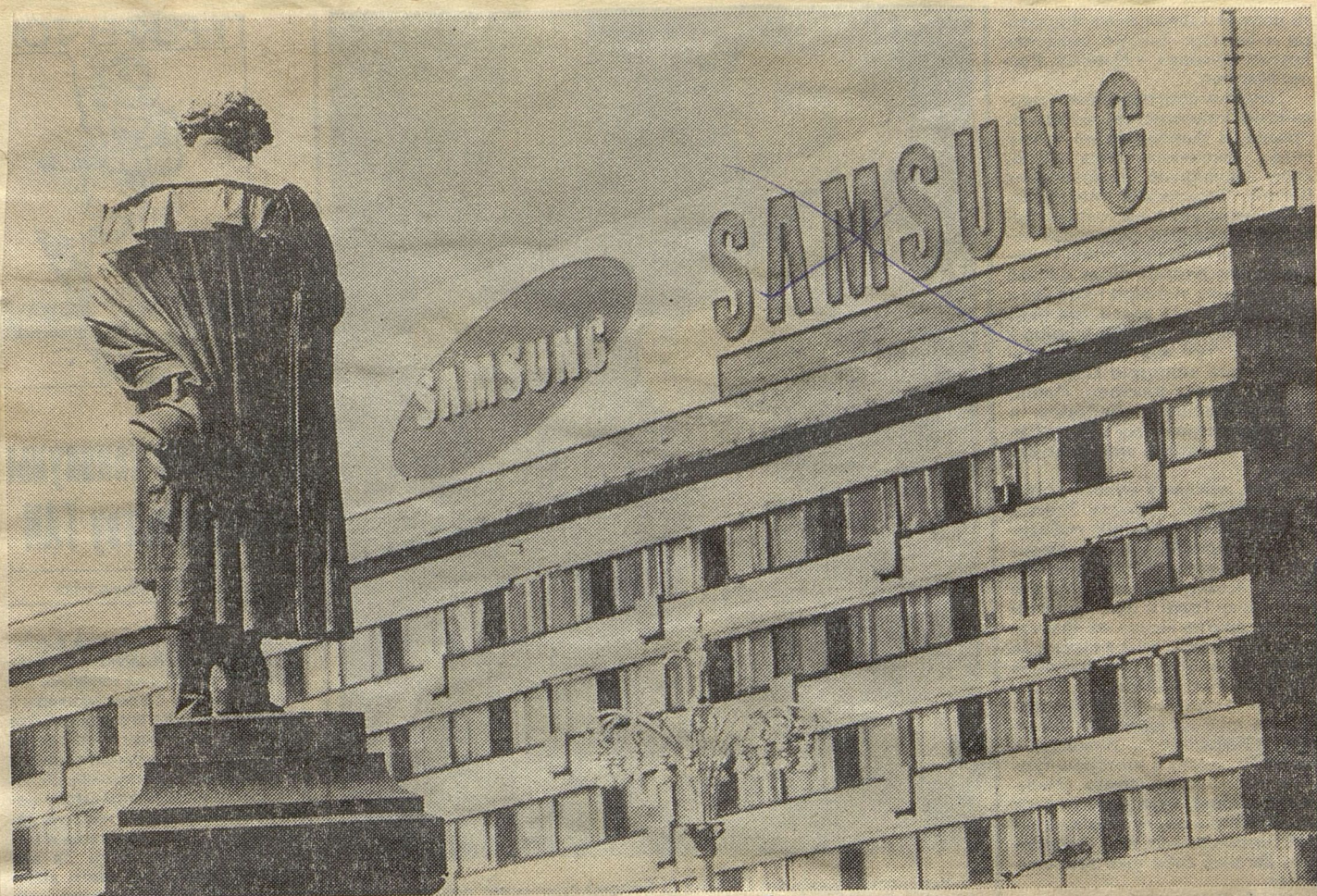

«...Внемлите истине полезной: Без денег и свободы нет...» А. Пушкин.

Константин КЕДРОВ, «Известия», 1995, 6 июня, с. 7.

Знаменитое ахмадулинское «Стало Пушкина больше вокруг» сегодня звучит как-то по-иному. Казалось бы, что за дата 196 лет со дня рождения. Но вся Россия ощущает, может быть, острее, чем все прочие нехватки и дефициты, отсутствие пушкинской речи. Несмотря на все академические переиздания, Пушкина стало не больше, а меньше. Его молчание становится оглушительным в наш жестокий век. Кто вспоминает поэта, призывавшего «милость к падшим». Кто выше всех других благ ценит «тайную свободу». Кто гордится званием космополита, как Пушкин, и не боится быть масоном до конца своих дней, как он.

Он любил Россию, но, насмотревшись собственными очами на холерные бунты и написав «Историю Пугачева», понял раньше других, что сулит нам русский бунт бессмысленный и беспощадный.

Он видел неиссякаемую творческую энергию России и такое же неиссякаемое зверство, исходящее из ее глубин и от вершин власти. Александр I разрешил задушить отца, но не до смерти, — сказал он об одном из либеральных царей.

И в то же время именно Пушкин понял трагедию любой власти перед лицом бунтующей черни. «Борис Годунов» — великая драма о невозможности нравственной и справедливой власти в России. В молодости ему казалось, что главное — скинуть царя, от которого исходит все зло. В зрелые годы поэт задумался об истоках деспотической власти и нашел их в бунтующей черни. Пугачевцы смазывали ружья человеческим салом. Как управлять такими людьми?

Поэт не стал выносить вердикта осуждения ни народу, ни власти. В «Медном всаднике» и власть, и народ — ничто перед лицом разбушевавшейся стихии. «С Божией стихией царям не совладеть», не совладеть и народу. Поэтому он создал сказочного доброго Пугачева в «Капитанской

СВОБОДЫ СЕЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ

дочке» и такого же сказочного богоподобного Петра I в «Полтаве». Он осудил безраздельную власть золота над людьми в «Скупом рыцаре», но понял и страсть Дон Жуана, и разгульное веселье пирующих во время чумы. Потому что ничего другого не остается человеку на этой земле, кроме любви, прощения и веселья.

Став памятником среди Москвы, он каким-то чудесным образом одухотворил все вокруг, превратив площадь своего имени в самое уютное место в гигантском столичном городе, в островок свободы в тоталитарном государстве. Здесь Андрей Сахаров с горсточкой смельчаков впервые открыто восславил свободу в наш жестокий век. И поплатился за это многолетней высылкой в Горький под фактический домашний арест.

Раньше Пушкина заглушали своим ором те, кто стоял у кормила. Сегодня Пушкина неслышно из-за крика рвущихся к власти. Россия, оглушенная политической, все еще не слышит своих поэтов. Но это временно. Опомнившись хотя бы на один День поэзии 6 июня, мы вдруг вспомним, что у нас есть Пушкин. Все еще терпеливо ждущий, что семена свободы, посеянные им бо-

политическая свобода пришла. Сначала в феврале 1917-го, потом в августе 1991-го. Это происходит потому, что, по словам Достоевского, в Пушкине нам явлен русский человек, каким он будет в своем развитии через 200 лет. Так ли это? Похоже, что так. Но ведь и дата, намеченная Достоевским, уже не за горами. Политическая свобода еще не делает человека личностью. Внутреннюю свободу поэт ценил еще выше.

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги

Мне в сладкой участи
оспаривать налоги,
<...>

Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —

Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому
отчета не давать, себе лишь самому

— Вот счастье! вот права...

До такой свободы Россия еще не доросла. От имени и по поручению «народа» множество политических сил все еще стремятся уничтожить личность, размолотье ее в жерновах государственной необходимости. И все-таки Пушкин в России неслучаен и 196 лет назад, и сегодня. Чтобы выжить, надо быть свободными, все остальные пути ведут к гибели. Все живое тянется к жизни, поэтому Россия любит Пушкина и все-таки стремится к свободе.

Фото
Виктора АХЛОМОВА.

лее века назад, рано или поздно взойдут в России.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Это не приговор России, это ее диагноз. За полтора столетия болезнь стала еще свирепее. Несвобода проникла во все поры нашей жизни. Она сделала нас несвободными даже тогда, когда